

Глава 1

Мужчина, у которого нет ни отца с матерью, ни детей, ни жены, способен принять многое — в том числе внезапное перемещение в другой мир. Но многое зависит от того, в какой именно мир тебя занесло.

Гу Хунсюань смотрел на разваливающуюся улицу перед собой и думал лишь одно: «Да твою же мать. Если уж переноситься — только не в такую дыру!»

Проснувшись, он обнаружил себя в том, что по всем признакам являлось древней Японией. Гу Хунсюань был закоренелым домоседом — насмотрелся аниме, переиграл кучу игр, а потому кое-какими познаниями в японском всё же располагал. Когда выяснилось, что окружающие говорят по-японски — пусть и на каком-то вывернутом варианте: с чудной грамматикой, непривычными оборотами и таким густым акцентом, что разобрать что-либо не представлялось никакой возможности, — он более-менее сложил картину воедино.

Заброшенные лачуги, дороги, по которым едва можно было пройти, не провалившись в грязь... Несложный вывод: перед ним древняя Япония. Вопрос лишь в том, какой именно эпохи.

Человек, который много лет отсидел в офисе с университетским дипломом под мышкой, Гу Хунсюань и в родной истории ориентировался весьма приблизительно — а знания об истории Японии и вовсе можно было пересчитать по пальцам одной руки. Из аниме он помнил: был период Хэйан и был период Сэнгоку. Период Хэйан ассоциировался с онмёдзи. Период Сэнгоку — с кучкой деревенских старост, которые резались между собой за клочок земли.

Понять, куда именно его занесло, при полном незнании языка и полном отсутствии ориентиров было бы непросто даже для человека подготовленного. Для Гу Хунсюаня это и вовсе казалось задачей невыполнимой.

Мало ли куда могло занести — вдруг в Сэйрэйтэй? Или в Страну Дождя?

Всё-таки переместился же он неизвестно куда — почему не в какое-нибудь аниме заодно?

А там, глядишь, обнаружился бы скрытый талант, и он стал бы непобедимым героем...

Мечтать, конечно, не вредно...

Все эти фантазии рассеялись примерно через десять минут после того, как он вернулся в дом — потому что живот сначала тихонько, а потом всё настойчивее напомнил о себе. Страх, растерянность, восторженный трепет — всё отступило перед банальным голодом.

— Жрать хочу... — пробормотал Гу Хунсюань, обшаривая убогое жилище в поисках хоть чего-нибудь съестного.

В углу, тщательно спрятанная, нашлась половина лепёшки. Вернее, назвать это лепёшкой язык не поворачивался — скорее, спрессованный в плоский комок рисовый жмых, расплющенный до состояния коржа.

На вкус — дерево. Сухое, безвкусное, скрипящее на зубах. Но Гу Хунсюань успел начитать исторических романов, чтобы понимать: еда простолюдинов в древности была именно такой. А уж в стране, которая исторически уступала Китаю по всем статьям, кулинарных откровений ожидать и вовсе не приходилось.

Главное же — он был голоден так, что, казалось, согласился бы грызть землю. Пустота в желудке — физически ощутимая, почти болезненная — была для него, человека, никогда особо не знавшего голода, чем-то новым и крайне неприятным. Как он пережил первые несколько часов после переноса — он и сам не мог понять.

Половину комка он всё-таки съел. Живот чуть успокоился, но до сытости было далеко. Доедать он не решился: от сухой пищи нестерпимо хотелось пить, а воды в доме не было — ни капли, ни сосуда, чтобы её набрать. Да и если съесть всё сейчас — что потом?

Завернув остаток в листья, найденные там же, Гу Хунсюань осторожно вышел на улицу.

Снаружи что-то привлекло толпу. Мужчины и женщины в одинаково жалких лохмотьях — скорее намотанных на тело тряпках, нежели одежде, — столпились где-то неподалёку, переговариваясь вполголоса. Слов он не разобрал, но, когда толпа начала расходиться, ему открылось то, из-за чего они собрались.

Там кто-то умер.

Человек лежал на земле — оборванный, изломанный. Тело в царапинах и рваных ранах, будто его терзал какой-то крупный зверь. Зрелище было жуткое.

Желудок Гу Хунсюаня немедленно взбунтовался. Он видел много страшного в кино — но настоящий труп перед ним был впервые. Запах — тягучий, приторный — накатил откуда-то сбоку, и он едва удержал рвотный позыв.

Но что поразило его не меньше самой картины — так это реакция окружающих. Лица у всех были тревожными, но не потрясёнными. Люди смотрели на мертвеца так, словно подобное им доводилось видеть не раз.

По спине у Гу Хунсюаня пробежал холодок.

Вскоре появились люди в чёрных одинаковых одеждах — что-то вроде местных стражников. Они тоже не выглядели потрясёнными. Переговаривались деловито, с усталым беспокойством, но без тени растерянности. Явно не в первый раз.

Тело унесли.

Гу Хунсюань стоял в толпе зевак и прислушивался. Говорили просто, и сквозь густой акцент ему удалось уловить что-то вроде «опять», «как страшно»... и что-то похожее на «бедняга».

Нереальность происходящего и страх от соприкосновения со смертью ударили разом. Не сказав ни слова, он развернулся и бросился обратно в дом.

Долго просидев в четырёх стенах, уставившись в одну точку, Гу Хунсюань наконец дал себе пощёчину — звонкую, почти обидную.

— Так не пойдёт. Соберись!

За дверью небо уже желтело. Без часов, без телефона понять, сколько времени, было невозможно — но по теплу в воздухе он понял, что ещё не поздно.

Осмотрев жилище, он нашёл деревянную табличку — похожую на удостоверение личности. На ней было написано два знака: «□□».

Вероятно, фамилия прежнего хозяина этого тела.

Он сунул табличку за пояс и снова вышел наружу.

Место, где нашли тело, уже успели грубо убрать — тёмные пятна на земле ещё виднелись, но прохожие огибали их, не задерживая взгляда. Жизнь текла дальше.

Гу Хунсюань поднял с обочины комок жёлтой глины и размазал его по стене своего дома — чтобы запомнить. Затем острым камушком нацарапал у входа те же два знака: «□□».

Хотел запереть дверь — и только тут заметил, что запора нет. Дверь была раздвижная, да ещё немного перекошенная: даже плотно закрыть её было той ещё задачей. Пришлось смириться.

Он кое-как прикрыл дверь и рысцой двинулся вперёд.

Город, как бы убого он ни выглядел, был выстроен на удивление правильно: прямые улицы, вдали — внутренняя крепостная стена. Пройдя немного, он заметил колодец. У колодца стояли женщины — с тазами и деревянными ведрами, переговаривались не торопясь, поочерёдно черпая воду.

Пить хотелось страшно. Но с пустыми руками подходить было незачем: ни посуды, ни понимания, как здесь принято.

Он пошёл дальше.

Тело у него было слабым — тощим, измождённым, явно давно и хронически недоедавшим. Далеко уйти при всём желании не получилось бы. Он шёл, запоминая дорогу, пока не вышел к тому, что издали принял за городской ров.

Река оказалась... странной.

Вода была прозрачной. Кристально, неправдоподобно прозрачной — до самого дна. На поверхности — ни соринки.

Гу Хунсюань нахмурился. Он вырос в городе, где ни одна река не была чистой. Даже в детстве, когда промышленность была не так развита, жители стирали в реках бельё и сбрасывали в них что попало. В древности же, когда о канализации не слышали и в помине, вода должна была быть ещё грязнее. Но эта река выглядела так, будто рядом с ней вообще никто не жил.

— Странно... — пробормотал он.

Небо над головой темнело. Горло пересохло настолько, что, казалось, скоро задымится. Поколебавшись — подозрительная чистота не давала покоя, — он всё же спустился к берегу. Песок и ил скребли голые руки, он шипел сквозь зубы, пробираясь вниз.

Зачерпнул горсть воды. Вода была холодной, свежей — и, едва коснувшись пересохшего горла, словно вернула его к жизни. Он пил жадно, торопливо, пока не почувствовал, что может дышать.

Утёр рот. Пора возвращаться.

— Молодой человек, что вы здесь делаете?

Женский голос раздался прямо за спиной.

Гу Хунсюань вздрогнул всем телом. Позади него была только река.

Откуда?!

Он не стал ждать ответа. Развернулся — и побежал.

Но сделать успел лишь два шага.

Что-то холодное, склизкое, живое обвилось вокруг лодыжки — и рывком потащило назад.

— Помоги... — крикнул он, или попытался крикнуть.

Вода сомкнулась над головой прежде, чем слово успело сорваться с губ.

<http://bllate.org/book/18244/1748163>